https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-10-20
https://elibrary.ru/WMXSWX

Русская история и французская литература. Предшественники и последователи Достоевского. Как и зачем преподавать «Преступление и наказание». *От редактора*

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, мы в этом номере поздравляем с важными и круглыми датами замечательных, очень нами любимых членов нашей редакционной коллегии: Ольгу Алимовну Богданову, безусловного корифея темы «Достоевский и рубеж XIX–XX веков», но вообще — вдумчивого и внимательного исследователя самого широкого профиля, и Наталью Александровну Тарасову, прекрасного исследователя, ведущего (несравненного) текстолога-достоевиста, ключевого сотрудника выпускаемого ИРЛИ РАН второго Полного собрания сочинений Достоевского.

Мы также рады поздравить с наступившим сорокалетием нашего первого заместителя главного редактора Николая Николаевича Подосокорского, в своих замечательных, глубоких и неизменно поражающих охватом материалов работах исследующего Историю как формирующую важный слой произведений Достоевского и определяющую его существенные способности мышления, за которые писателя называют пророком, хотя очевидно (и работы Николая Николаевича делают это все очевиднее), что Достоевский прежде всего был глубоким аналитиком, чьи обширные исторические знания позволяли ему выстраивать неизменно оправдывающие себя в долгосрочной перспективе прогнозы.

Во многом меняющие наше представление статьи Николая Подосокорского, открывающие этот номер (в рубрике «Герменевтика. Медленное чтение»), посвящены непосредственно присутствующим, прямо названным в романе «Идиот» русским «Историям» пера Николая Михайловича Карамзина и Сергея Михайловича Соловьева, без понимания отсылок к которым роман Достоевского оказывается в значительной степени закрыт для читателя.

В статье, посвященной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, ***самой первой*** книге, упомянутой в романе, подчеркивается, что труд Карамзина оказался лежащим ***в основе*** восприятия

Российской истории и Российской государственности современниками Карамзина и их ближайшими потомками, что он быстро переместился в область и подросткового чтения, становясь тем самым не одной из исторических книг, прочитанных в течение жизни, но ***первой*** историей отечества, многократно перечитываемой, знаемой образованными людьми, читателями «Идиота», ***чуть не наизусть***: и это, конечно, совсем иначе представляет ссылку на присутствие в ней рода князя Мышкина, которая оказывается гораздо более объемной и сложносоставной, чем только упоминание одного конкретного Мышкина в одной конкретной летописи[1]. Очень важно, на мой взгляд, объяснение, даваемое Подосокорским в примечании, тому предпочтению, которое оказывал Достоевский «Истории» Карамзина: «Надо полагать, что такое приоритетное отношение писателя к “Истории” Карамзина было обусловлено отнюдь не только его светлыми впечатлениями, вынесенными из детства, но и тем, что Карамзин, в отличие от подавляющего большинства позднейших историков, отстаивал сакральный характер истории и не выводил из нее Бога как действующего Субъекта». Очень важны также указываемые автором статьи темы *воскресительной функции истории* и *возрождения* Карамзина в праздновании его столетнего юбилея (этот юбилей1866 года — может быть, последнее великое впечатление Достоевского накануне его отъезда из России надолго): темы, столь близкие главной теме романа «Идиот» и лежащей в его мировоззренческом фундаменте записи «Маша лежит на столе…».

В сравнительно небольшой статье, посвященной «Истории» Соловьева, Николай Подосокорский делает сразу два немаленьких открытия: во-первых, объясняет, почему Рогожин читает не ту многотомную историю Соловьева, которая приходит на ум и читателям, и комментаторам, во-вторых, показывает, на какой странице был заложен нож Рогожина — и почему.

Ежегодный круг конференций Центра завершится 1–3 октября 2024 года международной онлайн-конференцией «Книга в книге», впервые прошедшей в 2023 году. Главный организатор конференции — Николай Подосокорский[2]. Конференция посвящена теоретической проблеме присутствия книг ***как прямо упомянутых*** текстов и ***материальных предметов, участвующих в сюжете***, в произведениях мировой литературы

[1] И — о чем будет сказано уже в моей статье этого номера — у Карамзина же обнаруживается очень рифмующееся с упоминанием Мышкина упоминание и игумена Пафнутия, столь занимающего князя.

[2] См. его обзоры конференции 2023 года: [Подосокорский, 2024], [Подосокорский, 2024а].

и культуры. Мы просим желающих участвовать в конференции обратить внимание на слова, выделенные жирным курсивом: на этой конференции мы не занимаемся компаративными исследованиями, нас интересует книга, которую автор вводит в свой текст, отводя ей определенную роль и функцию, помогающие читателям понять авторский замысел. Понятно, что как минимум в случае такого *читателя*, как Достоевский, роль книги в его авторском замысле будет исходить из глубокого понимания авторских интенций вводимого в его текст чужого произведения. То есть начинать говорить о роли книги в книге в его случае можно только после глубокого анализа той книги, которую он вводит в свой текст.

Я напоминаю, что на нашу ежегодную очную конференцию, проходящую в Старой Руссе в апреле, международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века», поскольку это ***обучающая конференция*** — можно присылать заявку на участие в качестве слушателя и участника обсуждения (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их вклад в общую научную и учебную работу на конференции. Конференция 2025 года будет посвящена «Белым ночам», этот текст обязателен к прочтению всеми участниками — это обеспечит возможность участия в обсуждениях и круглых столах, но свои доклады они могут подготовить также и по другим произведениям Ф.М. Достоевского.

В 2021–2024 годах вышло большое число изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству, его времени, его кругу общения. Они пока далеко не полностью освоены научным сообществом, все еще мало включены в научный контекст. Мы готовы предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий (в том числе — критических и полемических) на вышедшие в 2021–2024 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

В рубрике «Герменевтика. Медленное чтение» третья, захватывающе интересная, статья — Татьяны Магарил-Ильяевой, посвящена упоминанию в романе «Идиот» генералом Иволгиным героев книги Дюма «Три мушкетера» с целью характеристики дружеского союза, связывавшего его с генералом Епанчиным и князем Мышкиным-отцом. Отнесясь со вниманием к ***тем именно*** словам, которыми генерал Иволгин характеризует их гипотетическое единение, она обнаружила, что это точные цитаты из романа Дюма-отца, и что присутствие его самого и его романа в «Идиоте» оказывается существенно шире, интенсивнее и идеологически значимее, чем видная на поверхности отсылка.

Я бы предположила еще, что присутствие в первой части Дюма-отца и Дюма-сына также значимо — и имеет отношение к явлению в этой части Мышкина-сына и Мышкина-отца и к той путанице с их именами, которая происходит в речах генерала Иволгина. Обратив же внимание на само значение слов из романа Дюма («трое ***неразлучных***», «кавалькада» (один из образов ***множества в единстве***)), которыми Иволгин описывает трех друзей, один из которых — отец Мышкина, другой — Епанчин — при первой же встрече обращается к нему «отечески», а третий — сам Иволгин — мог стать его отцом, поскольку соперничал с князем за его мать, мы увидим складывающийся из баек Иволгина и «случайно» оброненных слов героев образ ***троичного отца*** князя Мышкина — и тогда становится вполне понятно, почему Иволгин в момент сравнения путает имя Мышкина-отца, называя его по имени Мышкина-сына.

Четвертая — моя — статья рубрики посвящена присутствию в романе «Идиот» собрания сочинений Пушкина издания Анненкова. Я делаю акцент на том, что для понимания художественного произведения — тем более, произведения Достоевского, в котором значимо ***все*** — читателю (тем более — исследователю) ***необходимо*** знакомство с упомянутыми в тексте книгами. Если какая-то книга остается вне пределов его внимания — он должен понимать, что определенный пласт текста остался ему недоступен. Это не абсолютно катастрофично для понимания произведения, поскольку Достоевский, определявший художественность как способность совершенно и в полноте донести до читателя мысль автора, как минимум дублирует (а то и утраивает) источники нужных ему читательских ассоциаций, беря их из разных культурных традиций, стремясь к тому, чтобы мысль «дошла» до читателя хотя бы по одному из каналов, причем, как мысль им самим «почувствованная» (так скажет один из героев «Бесов»). Но все же ***научное*** изучение произведений предполагает в первую очередь изучение книг, названных автором непосредственно в тексте, а не сопоставление двух произведений только на том основании, что они сошлись в голове исследователя, зачастую по совершенно посторонним изучаемому тексту причинам. Названное в романе «Идиот» издание Пушкина буквально пронизывает текст романа и объясняет в нем такие вещи, в которых присутствие Пушкина — особенно если мы работаем с другими его изданиями — не может быть заподозрено. Не говоря уже о том, что оно вполне объясняет появление в романе фамилии Павлищева, странную историю с воспроизведением «собственного почерка» игумена Пафнутия и потенцию стихотворения о рыцаре бедном донести до читателя пропущенные в нем строфы.

В рубрике «Поэтика. Контекст» первая, важная для понимания романа, точная по выводам и информативная статья принадлежит перу Александра Криницына и посвящена отсылкам к диалогу Платона «Государство» в «Преступлении и наказании». Автор начинает статью обзором обильного присутствия русских переводов Платона и посвященных ему исследований в России в последней трети XVIII – 60-х годах XIX века, что очень важно для создания правильного представления о русской культурной среде того времени как у читателей, так и у исследователей Достоевского. Я бы также считала нужным более настойчиво подчеркивать очевидное, но регулярно упускаемое из виду: русскому образованному читателю были равно доступны книги как минимум на французском языке, что значительно расширяло для него возможности знакомства с фундаментальными философскими трудами человечества. Излишней я бы считала попытку Криницына объяснить неизбежность знакомства Достоевского с Платоном косвенными причинами, типа сближения со славянофилами и стремления понять корни восточного христианства: при страстной любви Достоевского к философии он никак не мог обойти вниманием самый исток европейской философии — и, кроме того, философа, наиболее интеллектуально и по способу выражения сродного ему.

Присутствие же зачина диалога «Государство» в основании теории Раскольникова, присутствие, прямо обличительное по отношению к этой теории, показано автором весьма убедительно. Также замечательно отмечена связь беззакония с доминированием разума (я бы сказала — рассудка) как у Платона, так и у Достоевского. А продемонстрированная в завершение статьи невозможность единого определения для используемого разными героями романа Достоевского понятия «справедливость» является, на мой взгляд, вызовом, должным спровоцировать целостное исследование этого концепта в романе.

Вторая статья рубрики — работа Ясмины Войводич, в которой автор старается раскрыть семантический аспект одежды героев «Преступления и наказания», обозреть ее интерпретационные потенции, ее способность как проявлять, так и скрывать вещи, жизненные события и личные качества ее обладателя, причем — скрывать и открывать как согласно его желанию, так и против его воли. Интересно связана автором неспособность Раскольникова самого поменять одежду с его неспособностью самому поменять свою жизнь — для того и другого ему требуется помощь Разумихина. Удивительно точно показано автором, как одежда влюбленного Разумихина «меняется *изнутри*», в то время как одежда жениха-Лужина раскрывается как одежда мимикрирующего хищника. Важно отмеченное

взросление — и одновременно возрождение Сони от начала романа к эпилогу, показанное через суффиксы в названиях ***той же самой*** одежды (платочек, бурнусик — платок, бурнус), которую она надела в самом начале, выходя на свой позорный подвиг самоотдачи, и в которой она оказалась в самом конце, в области времени Авраамова. Статья безусловно ценна тем, что обращает внимание будущих исследователей на ряд важных, но зачатую упускаемых из виду элементов текста.

Отмечу еще, что статья начинается с упоминания диалога о модных журналах, который ведут в квартире Алены Ивановны красильщики в момент появления там Раскольникова, вернувшегося посмотреть на кровь. И хотя автор сразу уходит от темы моды в романе, для меня очевидно, что, обратив внимание на этот эпизод, она обозначила еще одну точку входа в пространство романа, нуждающуюся в разработке. Я бы отметила в этом эпизоде прежде всего «нецелевое» использование модного журнала: если в случае мужчин речь идет именно об одежде («Мужской пол всё больше в бекешах пишется» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 133]), то в случае женщин внимание обращается очевидно не на одежду: «а уж по женскому отделению такие, брат, суфлеры, что отдай ты мне всё, да и мало!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 133]. Комментарии нам сообщают: «Суфлеры — тюремное название “женщин легкого поведения”. “Суфлера — потаскуха, арестантская любовь”» [Достоевский, 1972–1990, т. 4, с. 318]. С одной стороны, такое значение слова вполне вписывается в роман, в котором общее свойство мужчин — быть пьяными (от вина или нет — другое дело), а общее свойство женщин — быть сексуально используемыми, покупаемыми (опять-таки, другое дело: за деньги, или за более сложное вознаграждение; полагаю, именно с этим связана, казалось бы, лишняя сцена, где одна проститутка осуждает другую за то, что она взяла деньги «не за что», обратилась к Раскольникову как к человеку, а не как к мужчине). Однако возникает вопрос, насколько Достоевский мог предполагать, что в таком значении слово известно его образованному читателю (даже несмотря на то, что он употребил его в этом значении в «Записках из Мертвого дома», непосредственно в тюремном контексте) — и тогда — какие дополнительные (или основные) ассоциации оно должно было вызывать при чтении этого фрагмента. И более общий вопрос: когда Достоевский использует слова из «тетрадки каторжной» в своих романах, использует ли он их, главным образом, в том значении, в каком они известны довольно ограниченному и довольно специфическому слою народонаселения — или он их использует для того, чтобы активировать те дополнительные ассоциации, фонетические и семантические,

которые могут возникнуть у читателей совсем другого общественного положения, — и использует именно их как раз потому, что они предоставляют возможность такой активации (в данном случае в слове звучат довольно очевидное по смыслу «суфле» (женщина как лакомство), и минимум двузначное «суфлер» (от фр. souffler — 1) *дуть* — алхимическая традиция, в которой слово «суфлер» связано с поиском материального вместо духовного, здесь — любви телесной, вместо любви спасающей; 2) *подсказывать (шепотом)*, переносное от *дуть*: вдувать в уши актера то, что он произнесет громко и внятно, во всеуслышание — с одной стороны, очевидное описание воздействия на человека духа, а также — постоянная констатация-обвинение на действие женщины по отношению к ее мужчине («она ему в уши напела»), с другой — более легко воспринимаемая для читателя традиция театральная, совсем недавно, в романтическую эпоху, возобновившая на понятном для времени языке рассказ о любви души к Творцу, ведущийся через образы половой любви)).

В третьей статье Валентина Борисова интересно и с большим эвристическим потенциалом анализирует пунктуационно маркированную и разными косвенными средствами (в том числе, способом «сюжетной критики»: [Назиров, 1982, с. 64]) продемонстрированную автором *ошибку героя*[3] — Раскольникова — в оценке действий и интенций одного из «установителей и законодателей человечества», Магомета, и в понимании того, что есть «дрожащая тварь». Нельзя, однако, не заметить, что аналогию между христианством и исламом, выраженную в статье графически, автор статьи выстраивает более (но не вполне) с точки зрения ислама, поскольку с точки зрения христианства Христа никак нельзя назвать пророком, Он — второе Лицо Троицы, Сын Божий и Бог (по выражению Достоевского, «NB. Христос есть Бог, насколько Земля могла Бога явить» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 244]). То есть в данном случае исследовательница подменяет ценностную основу автора романа своей собственной, что значительно подрывает надежность полученных ею выводов.

В рубрике «Достоевский: проблема перевода» публикуется статья Евгении Литинской, посвященная сравнительному анализу переводов сцены встречи Раскольникова с Мармеладовым на новогреческий. Главная проблема, как почти во всех случаях переводов Достоевского на иностранные языки, заключается в том, что переводчики не опознают в речи героев библейские и литургические цитаты и аллюзии — и не воспроизводят

3 Один из устойчивых приемов Достоевского: ошибка героя, не поправляемая прямо автором, но должная быть опознанной читателем в качестве ошибки. См. об этом: [Касаткина, 2015, с. 304–320].

столь же ясно эти отсылки к Священному Писанию в языке перевода, тем самым убирая из произведения Достоевского базовый смысловой слой, часто меняющий считываемые поверхностные, сюжетные значения на иные, иногда — прямо противоположные.

В рубрике «Достоевский в XX–XXI веке» публикуется статья Павла Фокина, описывающая последовательное изменение восприятия личности и творчества Ф.М. Достоевского социальным философом XX века Александром Зиновьевым, содержащая сопоставление их философских и творческих систем. Александр Зиновьев не сказал о Достоевском ничего оригинального или адекватного, его высказывания многое говорят о нем самом (Павел Фокин очень точно замечает, хотя и описывает это немного иначе, что Зиновьев сморит в Достоевского как в зеркало, все время видя в нем лишь себя самого) — и почти ничего о Достоевском. Однако его суждения (как и его самопревозношение над Достоевским, возникающее, кроме прочего, из заведомой уверенности в том, что его нахождение чуть дальше на исторической шкале означает не только «дальше», но и «выше», дает ему широту взгляда, и как следствие — привилегию оценивать и право судить) в высшей степени характерны для определенного типа социальных деятелей и мыслителей-атеистов XX–XXI века, и с этой точки зрения безусловно заслуживают рассмотрения и исследования. Павел Фокин остроумно сопоставляет исходный постулат Достоевского и сформулированный самим автором статьи по аналогии постулат Зиновьева: «человек есть тайна» — «общество есть тайна». К сожалению, при всем блеске, такое сопоставление поверхностно и неточно: идя от глубокого познания человека, естественно и закономерно постигнуть, чем является общество (а какие, пусть самые бросающиеся в глаза, его черты есть его искажения) — исходя из общества (а только с этого уровня может начать свое исследование атеист, для которого вне общества человек не виден и не осязаем), невозможно понять, что есть человек, а следовательно, невозможно понять, и что есть общество, и можно перепутать его существо с его искажениями. Начиная исследование с этого уровня, естественно и закономерно впасть в пессимизм и отчаяние, что и случилось с Зиновьевым, и что наглядно, изображая своих героев определенной идеологической направленности, показал в своих произведениях Достоевский. И в этом смысле сопоставлять Зиновьева уместнее было бы с героями Достоевского, а не с их автором.

Между тем, суждения самого Фокина о творческой вселенной Достоевского часто безупречно точны и могут быть положены в основу хорошей главы о писателе в учебнике любого уровня (такой хорошей

главы пока не существует, к сожалению, ни в одном учебнике). Например, вот это: «По сути, при общей целостности художественного мира Достоевского, каждое его произведение уникально с эстетической точки зрения, каждое — эксперимент и вызов. Достоевский никогда не повторяется, хотя всё время сосредоточен на одном». И фокинский метод сопоставительного анализа художественных и идеологических[4] систем двух авторов, хотя и не убеждает в их (и авторов, и систем) сходстве, но становится действенным методом выявления важного в той и другой системах.

В рубрике «Достоевский на сцене, в кино, в медиа», предназначенной для работ, исследующих перевод текстов Достоевского в живой или анимированный образный ряд, первая статья — Людмилы Сараскиной — посвящена анимационному клипу на песню Вячеслава Бутусова «Идиот». Автор статьи не случайно начинает анализ клипа с разговора о «Прогулках по воде» (текст Ильи Кормильцева). «Прогулки по воде» так же далеки от евангельского сюжета, как и «Идиот» Бутусова от сюжета «Идиота» Достоевского. Но «Прогулки по воде» при этом сродны самой сердцевине евангельской истории — так же как и текст бутусовского «Идиота» — глубинному смыслу романа Достоевского. Клип, впрочем, оказывается гораздо сложнее, неоднозначнее и, на мой взгляд, менее целен и близок роману, чем песня. Это и неудивительно: он уже не про роман, а про наше время — время, в которое герои того театра, который есть «весь мир», восстают против автора, одолевают автора, пытаются убить автора (и Автора) — хотя бы на время, хотя бы в умах современников. Но есть среди них и те, кто спасает автора (и Автора?), всеми силами и любой ценой.

Вторая статья здесь — Ольги Кочетковой — как бы переходная между этой и следующей рубриками, она одновременно искусное исследование перевода романа «Преступление и наказание» на язык анимации Петром Думалой — и представление возможных конкретных ходов в работе с учащимися по сопоставлению словесного текста и его образной интерпретации.

В рубрике «Преподавание Достоевского» я публикую круглый стол, посвященный проблемам и подходам к преподаванию романа «Преступление и наказание», ставший итогом III Международной научной он-

[4] Может показаться, что в идеологических системах героев своей статьи Фокин действительно находит и убедительно демонстрирует некую общность: но эта общность (русский как наиболее «не суженный» образец человека, Европа как не идеал, и т.п.) есть общность неких опорных точек мысли, разделявшихся, по крайней мере — в XIX веке, глубокими мыслителями как России, так и Европы, но не общность ни линий мысли, ни ее выводов, ни даже *оценок* самих этих опорных точек.

лайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения»[5], проведенной нашим Центром 28, 29 февраля – 1 марта 2024, собравший вдумчивых и глубоких исследователей и преподавателей творчества Достоевского вокруг вопросов, заданных учителями в процессе подготовки к конференции. Речь шла о том, откуда начинать разговор о романе с классом и откуда может быть начато самостоятельное исследование школьника и студента, является ли фраза «Раскольникова мучила совесть» фактической ошибкой, как рассказывать о биографии Достоевского, как вовлечь школьников в чтение, что выносят из чтения романа молодые люди, о важности чтения (и, безусловно, — чтения Достоевского) для жизни, а не для «эстетического развития» или «повышения образовательного уровня», о герое (Разумихине) как образце, о том, что значит «ломать обстоятельства» и «приспосабливаться к обстоятельствам», о цене преображения и о многом другом.

В последний момент перед отправлением журнала на верстку, 4 сентября, пришла весть о кончине Дмитрия Андреевича Достоевского, правнука Ф.М. Достоевского. Дима, дорогой, мы помним, любим, скорбим — но и радуемся тому, что смерть пришла непостыдной и мирной. Пусть будет легким путь, добрым ответ и радостной встреча с прадедом, именем и во имя которого ты жил.

В рубрике «In memoriam» о Дмитрии Андреевиче написал Николай Подосокорский.

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 10 600 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале

[5] Аналитический обзор конференции см.: [Касаткина, 2024].

по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным шрифтом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение месяца.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Касаткина, 2015 – *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

3. Касаткина, 2024 – *Касаткина Т.А.* Обзор III Международной научной онлайн-конференции «Преступление и наказание»: современное состояние изучения, 28, 29 февраля – 1 марта 2024 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 255–304. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-255-304

4. Назиров, 1982 – *Назиров Р.Г.* Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 160 с.

5. Подосокорский, 2024 – *Подосокорский Н.Н.* Итоги и перспективы международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», посвященной памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), 2–4 октября 2023 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 2 (26). С. 305–313. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-305-313

6. Подосокорский, 2024а – *Подосокорский Н.Н.* Обзор международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», 2–4 октября 2023 года // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 149–158.